

Юрий Лужков

**ТРАНС-
КАПИТАЛИЗМ
И РОССИЯ**

Юрий Лужков

**ТРАНС-
КАПИТАЛИЗМ
И РОССИЯ**

Москва
Московские учебники
2009

ББК 65.00
Л 82

*Автор благодарен
Виктору Антоновичу Садовничему
за подготовленные для этой работы
и любезно предоставленные очень полезные
материалы о теории Николая Кондратьева*

Лужков Ю.М.

Л82 Транскапитализм и Россия. — М.: ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009. — 72 с.

ISBN 978-5-7853-1155-8

ББК 65.00

ISBN 978-5-7853-1155-8

© Лужков Ю.М., 2009

© Оформление. ОАО «Московские учебники и Картолитография», 2009

Содержание

Исправление имен	5
Капитализм: история одной мутации	8
Марксово пророчество и эволюция капитализма	10
Блеск и нищета лемановского мира	17
Глобализация трансакапитализма и конец постсоветского периода	22
План спасения: миссия невыполнима?	31
Российские особенности мирового кризиса	40
Банкротство монетаризма	42
Кадры решают всё	49
Шаг назад — два шага вперед	55
Россия в посткризисном мире: пророчество Кондратьева	61

Нас погубят — политика без принципов, богатство без труда, наслаждение без раскаяния, бизнес без морали, воспитание без характера, наука без гуманности и поклонение без жертвенности.

Махатма Ганди

Исправление имен

Нынешний кризис как только ни называют. Вначале о нем чаще всего говорили как об ипотечном. Это давало представление о непосредственном механизме, запустившем эпидемию на финансовых рынках. Затем общеупотребительным стало выражение «финансовый кризис», и проявилась неоперабельная опухоль глобальной системы мировых финансов. По мере разрастания проблем и отравления всей хозяйственной системы токсичными парами горения финансовых пирамид все чаще стали говорить уже об общем структурном и циклическом экономическом кризисе.

Устойчивым стало также представление о том, что мировая экономика переживает «кризис доверия». Он лишает рынки надежных ориентиров и рейтингов, общепризнанных оценок и правил, а вместе взятое это парализует у всех способность действовать и превращает финансовую систему в один большой непроходимый тромб, чреватый обширным инфарктом и едва ли не смертью всей экономической жизни.

Однако чем дальше, тем очевиднее становится, что ситуация еще более глубока и серь-

езна, а масштаб кризиса выходит далеко за рамки собственно экономики. На наших глазах разворачивается, если использовать вновь ставшую столь популярной марксистскую терминологию, новый системный кризис капитализма как общественной формации. А также крах той модели глобализации, которая на протяжении последней пары десятилетий характеризовала современную нам «высшую стадию» развития американоцентричной системы финансового капитализма с ее монополистически-однополярными замашками.

Дело уже не в отдельных финансово-экономических проблемах, неэффективности регулирования или дефиците доверия на рынках, но в фундаментальном кризисе принципов развития мировой политической и экономической системы, принципов дальнейшего развития цивилизации. Связанные с этим кризисом основные вызовы для человечества только кажутся финансовыми и экономическими, тогда как их масштаб в разы превосходит сферу экономики. Речь идет не о проблемах с деньгами, а о полномасштабном кризисе цивилизационных ценностей.

Сможет ли вообще капитализм пережить этот кризис? Куда именно из этого кризиса должен выйти мир? Как, на каких принципах и за счет чего это возможно?

Это крайне острые и самые важные сегодня вопросы. Нынешний кризис частенько сравнивают с Великой депрессией в США 1929 — 1933 годов и ее последствиями. Раз так, то не нужно забывать, что момент ее начала и Вторую мировую войну отделяло всего десятилетие.

Это не повод пугаться и паниковать. Однако о нынешнем кризисе и путях выхода из него недостаточно говорить только на поверхностном уровне бухгалтерских индикаторов и макроэкономической текучки. Само по себе начало выхода мировой экономики из периода рецессии вовсе не будет означать завершение разразившегося кризиса капитализма и глобализации.

«Крот истории» далеко не закончил свою нынешнюю работу. Поэтому сегодня так важно понять, откуда и куда он «славно роет», поговорить о сути современного глобального кризиса и о том, какие выводы и руководства к действию необходимо извлечь из него России, нашей экономике и обществу.

Капитализм: история одной мутации

В последние десятилетия мир жил уже не при классическом капитализме с его рыночной производственной и торговой экономикой. И не при соперничестве капитализма с планово-распределительным социализмом, который к этому времени уже рухнул. Мы жили при «новой формации», совершенно новой генно-модифицированной форме капитализма — транскapитализме. Он основан на виртуальной экономике финансовых пузырей и их постоянном воспроизводстве в интересах глобальной финансовой олигархии и транснациональных корпораций.

Подобное перерождение капитализма сегодня привело к новому, доселе невиданному типу его кризиса. Мир чуть не захлебнулся в неконтролируемом потоке квазиденег, существующих только на экранах компьютеров и практически никак не обеспеченных реальной экономикой, производством и трудом.

Но до того именно с помощью этой системы как отдельные государства (прежде

Капитализм: история одной мутации

всего США), так и различные частные группы интересов обеспечивали себе извлечение сверхприбылей из всемирной финансовой пирамиды биржевых спекуляций и долговой экономики американского доллара.

Большинство национальных экономик и государств мира были практически бессильны перед представителями международного капитала, которые не допускали контроля, перемещали деньги со скоростью света, пускали — когда надо и кого надо — по миру, укрывали доходы в безналоговых зонах. Существовали как бы два параллельных мира, хотя иногда они были представлены одними и теми же людьми. В первом были государства, границы, законы, производство, обязательства. Во втором — ничего этого не было, а существовали забалансовые операции, псевдонимы и маски, алхимия извлечения золота из воздуха и правила свободной игры капиталов, которая больше походила на игру без правил.

Это было так приятно, что легко привело к потере чувства меры и со временем к неизбежной расплате — кризису. Результат 2008 года — это только начало оплаты счетов для транснационализма, его отцов-основателей и последователей.

Однако с окончательными похоронами мира виртуальных финансовых спекуляций не так все просто. Сможет ли теперь пребываю-

щий в транс капитализм вообще вернуться «с того света» к реальности? Ответ неочевиден. И на то есть очень серьезные причины, касающиеся фундаментальных внутренних противоречий капитализма.

Марксово пророчество и эволюция капитализма

Экономика финансовых спекуляций исказила представления о ценах, товаре, труде, обмене, долге. В ней не осталось ценностей, кроме ценности денег, да и то виртуальных. В ней даже спекулировали уже не на товаре, а на воздушных курсах надутых фирм.

А ведь исторически капитализм зародился не как экономическая система сама по себе, но начинался с революции в сфере этики и религии. С той трудовой и производственной аскезы, которую Макс Вебер назвал «духом капитализма» и с которой в конечном счете связана эффективность капитализма и его долгожительство.

Но вот ирония истории и назидательность ее уроков, которые мы все никак не хотим учить! При транскapитализме — на что сегодня обращают внимание многие экономисты — ключевое для финансов понятие «взять в долг», отсылающее, помимо прочего,

Капитализм: история одной мутации

к базовым религиозно-ценностным смыслам, было заменено на не выражающее никакой морали и ответственности понятие «получить денежное плечо» для игр на бирже. Не надо ни о чем думать — прибыль оправдывает все! «Невидимая рука рынка», опирающаяся в исходном представлении на моральный дух капитализма и христианскую свободу выбора, превращалась здесь в неведомую ловкость рук под столом глобальной экономики.

Что сказал бы на это Вебер, мы не знаем. Зато сегодня весь мир не случайно вспомнил Карла Маркса. Новые издания его «Капитала» расходятся удивительными тиражами. Он был свидетелем и обличителем не идеалистического веберовского «прекрасного младенца» капитализма, но современного ему, вполне реального, довольно шкодливого и циничного подростка с задатками рецидивиста. И Маркс был, безусловно, прав в том, что в капитализме заложен некий периодически просыпающийся ген аморальности, постоянно подталкивающий систему к краху, поскольку за 100% прибыли капитал готов нарушить любые законы, а при 300% «нет такого преступления, на которое он бы не рискнул».

Марксово пророчество о неизбежности полного краха капитализма не сбылось. Или пока не сбылось. В любом случае способность капитализма развиваться, адаптироваться и со-

вершенствоваться оказалась высока, что и было доказано историей XX века. Однако главная и спасительная для него метаморфоза, которая произошла с капитализмом за последнее столетие, пришла не изнутри, а извне — от государственного вмешательства. Она была в известном смысле социалистической по многим параметрам прививкой госкапитализма.

Капиталистическое государство, которое первоначально воспринималось марксизмом как «машина классового господства», как «комитет, управляющий делами класса буржуазии», постепенно осознавало свои подлинные, социальные функции. Функции созидания и поддержания социального мира, устойчивости общества. Функции долгосрочного экономического регулирования, стимулирования и развития социальных принципов.

Этот процесс был непрост и не возник «просто так». Ведущие индустриальные страны Запада пережили Первую мировую войну, увидели Красный октябрь 1917 года, прошли через Великую депрессию 1929 — 1933 годов, еще одну — фашистскую — альтернативу развития, испытали все ужасы Второй мировой. Этот опыт «социальных катастроф» постепенно, шаг за шагом, вел к осознанию необходимости коренных социально-экономических преобразований.

Общий смысл был в том, чтобы эволюция капитализма (и как экономической теории,

Капитализм: история одной мутации

и как хозяйственной практики) позволила поставить его на службу большинству населения и тем самым создала общественный запрос не на уничтожение, а на развитие капитализма. Собственно, сам отец-основатель марксизма дал капиталистическому обществу «зацепку» к выживанию, разъяснив в «Капитале», в чем должно заключаться главное направление эволюции экономического механизма и государственной политики капитализма. Эта «зацепка», это направление развития — в создании массового потребителя, повышении массового потребительского спроса.

Кстати, социализм рухнул именно потому, что так и не смог наладить эффективный баланс между своей госкапиталистической по экономическому механизму сутью (которая была и может быть жизнеспособной) и «уравнительной в дефиците» вне рыночной системой социального распределения, угнетавшей возможности платежеспособного массового потребительского спроса (так называемый шведский социализм эту проблему как раз решил). А вот советский социализм в этом смысле оказался куда ближе к тем пророчествам Маркса, которые первоначально предназначались для неизбежности краха капитализма и гласили, что последней и подлинной «причиной всех действительных кризисов остается всегда бедность и ограниченность потребления масс».

Вехами на пути «поумнения капитализма» были «Общая теория занятости, процента и денег» Джона Мейнарда Кейнса и возникновение принципиально новой, кейнсианской, экономической теории спроса и государственного экономического регулирования. Вехами на этом пути были также «Новый курс» Франклина Рузвельта в США с идеей «накопления социальной справедливости в рамках рыночной экономики», столетняя история той самой модели «шведского социализма», опыт политики «благополучия для всех» Людвига Эрхарда в послевоенной Германии.

В конце концов, в соответствии с кейнсианской экономической доктриной, основным двигателем экономики передовых капиталистических обществ Запада стала «экономика спроса». Потребление населения и создание «обществ потребления» стали восприниматься как главный механизм, который двигает развитие вперед, стимулирует эффективность, расширенное воспроизводство капитала и рост производства, решает задачу занятости, ускоряет новые исследования для производства новых товаров и техники и решает многие другие задачи.

Однако со временем стали очевидны ограничения этой доктрины для внутреннего развития самих стран Запада. Мировой капитализм все равно переживал циклические кризисы.

Капитализм: история одной мутации

Суть этих кризисов была связана с перепроизводством в странах капитала, нехваткой денег у населения и нежеланием капиталистов терять прибыли, то есть снижать цены. Это длилось довольно долго, до наступления новой эры развития капитализма — формирования транснациональных корпораций. Капитализм стал уходить от внешних признаков кризиса у себя дома, во имя прибылей переноса производства и сбегивая излишки товара в слаборазвитые страны. Даже сегодня перепроизводство товара без снижения цен и прибылей продолжает регулироваться поставками в Африку, гуманитарной помощью, производством биотоплива из зерна, излишки которого раньше, в классические кризисы перепроизводства, нужно было сжигать или выбрасывать в море.

Но и этого было недостаточно. Экономике Запада все равно во все большей степени должны были становиться экономиками расширения внутреннего спроса, а значит — производства новых искусственных потребностей и зависимости населения от кредита, постоянно заставляя человека хотеть чего-то нового и одновременно разрывая связь между реально заработанным и полученным.

Труд для людей общества потребления превращался из источника жизни в дополнительное приложение и «камуфляж» возможности потреблять и наслаждаться. Обеспечение

граждан работой становилось фетишем создания новых и новых квазиэкономических трудовых ниш, которые позволяют это потребление поддерживать.

Сами экономики Запада и прежде всего США переставали опираться на реальный сектор и промышленность, переставали быть производящими, а превращались в постпроизводственные, деиндустриализирующиеся (в США доля промышленности в ВВП составляет всего 11%), посреднические экономики услуг, прежде всего финансовых. На смену рабочему классу в этих странах пришли банковские работники, страховые агенты, биржевые маклеры, то есть те, кто в основном оперирует в финансовой сфере.

Это не случайно. Производство денег становилось главным потому, что только оно позволяет поддерживать дурную бесконечность возгонки расширенного потребительского спроса, от которого экономика и социально-политическая устойчивость капитализма попали в полную зависимость.

Иначе и быть не могло, учитывая, что сегодня Соединенные Штаты, являясь крупнейшей экономикой мира, тем не менее обеспечивают производство лишь около 20% мирового ВВП, тогда как потребляют в два раза больше. Америка жила не по средствам еще и потому, что всегда имела грандиозный военный бюджет и расходо-

Капитализм: история одной мутации

вала огромные ресурсы на формирование во всем мире демократии по своим образцам.

Положение доллара как мировой резервной валюты и возможности манипуляции монополией на его эмиссию не могли рано или поздно не привести Соединенные Штаты к практически неодолимому искушению. Удержаться от того, чтобы воспользоваться выгодами раскрутки финансового капитализма для целей мирового господства, Штаты преодолеть не смогли. США настроились играть в деньги.

Блеск и нищета лемановского мира

Этот сдвиг был результатом преобразования капитализма, формирования его новой фазы. «Вчера» работала формула капитализма «деньги — товар — деньги», и капиталист, чтобы получить большие деньги, производил товар, стремился получить большую прибыль и действовал, в первую очередь совершенствуя товарное производство. Эта формула справедлива и сегодня. Сколько бы ни говорил Китай о социализме, в его стремлении к получению доходов лежит товарное производство, его он собирает со всего мира и успешно конкурирует с другими странами.

А вот Штаты стали жить по другой модели: «деньги — ценные бумаги — деньги». Америка

перестала делать товары и перешла на производство денег. То есть, поработав после Второй мировой войны над укреплением доверия к доллару как мировой валюте, Америка решила, что можно долго и успешно жить, покупая за свои доллары товары во всем мире.

В результате начиная с 70-х годов прошлого века американская экономика, а с ней и глобальный капитализм стали — сначала медленно, но верно, а затем уже быстро и неизбежно — обнаруживать характер преимущественно финансового спекулятивного капитализма. Точкой отсчета для экспансии финансистов стала ревизия первоначальной версии Бреттон-Вудской системы валютных курсов и золотого стандарта доллара. А идеологической базой спекулятивного капитализма стали экономические теории монетаризма.

Что такое монетаризм на практике, да еще и с российским «привкусом», мы в короткие сроки познали в исчерпывающей мере. С начала 1990-х у нас происходили плановый обвал экономики, грабительская приватизация и выведение в политико-экономическом инкубаторе целой плеяды так называемых олигархов, а по сути — глобальных финансовых спекулянтов. Россия системно ослаблялась, с тем чтобы в видимой перспективе стать всего только сырьевым придатком Запада, малонаселенным и

Капитализм: история одной мутации

слаборазвитым во всех смыслах государством. Потребовались гигантские усилия, чтобы начать процесс оздоровления власти, экономики да и нравственного климата общества.

Этот самый монетаризм и рейганомика подготовили начало стремительного наступления финансового капитализма в 1990-е годы. Процесс приобрел особенно бурный и необратимый характер, когда благодаря изобретательности современных менял и недавних экономических гуру типа Алана Гринспена, не очень искренне кающихся теперь на каждом углу, был целенаправленно сформирован новый контур глобальной финансовой экономики.

После неудачного блицкрига информационной экономики и последовавшего краха пузыря интернет-экономики на замену был выведен до того еще как-то таившийся в темных углах рынка куда более мощный калибр экономики спекулятивных производных облигаций.

Для этого заранее было реформировано существовавшее со времен борьбы Рузвельта с Великой депрессией банковское законодательство, резко ограничивавшее возможности для банков заниматься финансовыми спекуляциями.

Была достроена огромная, абсолютно неадекватная и практически неконтролируе-

мая система многоэтажных производных и сугубо виртуальных финансовых технологий и инструментов.

В конце ее существования — в прошлом году — объем этой экономики деривативов оценивался более чем в 1,2 квадриллиона долларов, что в десятки раз превышает не только экономику США, но и всего мира. Даже такие столпы западной промышленной, индустриальной и технологической экономики, как корпорация «Дженерал электрик», в последние годы получали едва ли не всю свою прибыль от финансовых операций. Их реальным лицом и мощью были собственные банки и финансовые подразделения, а не производство.

Музыка торжества транскапитализма могла бы звучать если не вечно, то еще достаточно долго. Если бы финансисты, на шалости которых американское государство из соображений собственной выгоды долгое время закрывало глаза и даже потакало им, не заигрались окончательно.

2008 год стал временем краха главных «тотемных животных» финансового капитализма — монстрообразных американских инвестиционных банков. Некоторых из них пытались и до сих пор пытаются спасти с помощью денег американских налогоплательщиков и печатаемых пустых эмиссионных долларов. Иные надеются теперь понадежнее спрятать

Капитализм: история одной мутации

свою истинную физиономию под личиной обычных добропорядочных банков.

Однако мир финансовых спекулянтов обрел свою поминальную дату, когда в сентябре 2008 года скончалась главная священная корова этой системы — банк «Леман бразерс» (Lehman Brothers). Вселенский плач спекулянтов во всем мире (у нас, кстати, тоже) по этому событию не прекращается до сих пор, и некоторые уже договариваются до того, что отказ «спасти Лемана» был едва ли не главной ошибкой администрации Буша, перед которой меркнут и Ирак, и все остальное.

В известном смысле для финансового капитализма это, наверное, так и есть. Для него «разверзлись хляби небесные», и мир прискорбно разделился на «до и после». Для всего же остального мира и большинства человечества, напротив, крушение «лемановского мира» дает капитализму хоть какой-то шанс на очищение и выживание.

И это спасение капитализма вновь и в очередной раз зависит от фигуры Государства и способности государств по всему миру очистить систему от спекулятизма, вернуть мировую экономику к реальности. А также вернуть к реальности США как архитектора этой системы.

Ведь именно «усилиями» Америки капиталистическое государство, которое обуздало

аморальный капитал и циничного капиталиста во второй трети XX века, на пороге нового тысячелетия попало в ловушку собственных амбиций и вступило в сговор с глобальной финансовой олигархией, слившись с нею до степени неразличимости.

Эта система, основанная на принципах пользования мирового производства одной страной, которая только выпускает деньги и дурачит всех, опираясь на свой прошлый авторитет, неизбежно должна была провалиться и привести к новому, доселе невиданному типу кризиса.

Но это значит, что теперь ценой вопроса и непременным условием оздоровления мировой экономики должно стать, помимо прочего, и окончательное преодоление мировой однополярности, попыток и дальше сохранять глобальное доминирование США и Запада.

Глобализация транскапитализма и конец постсоветского периода

Это важно еще и потому, что в самой мутации капитализма и его превращении в транскапитализм геополитические устремления США и Запада имели и до сих пор имеют огромное значение.

В значительной степени правы те критики капитализма, которые утверждают, что

Капитализм: история одной мутации

преодоление внутренних противоречий в современных западных обществах, реализуемость моделей экономики спроса и общества потребления в полной мере всегда были возможны лишь благодаря внешней экспансии, империализму и глобализации. Тому, что капитализм смог выводить «классовые разногласия» западных обществ вовне, переносить их на отношения с «остальным миром», использовать и приватизировать его ресурсы и труд в интересах постепенно формирующегося «золотого миллиарда».

В XIX и в первой половине XX века это было возможно благодаря классическому колониализму и империализму. Однако издержками системы были мировые войны, а затем появление «второго мира» — социализма — и противостояние с ним. После распада колониальной системы во второй половине XX века становилось все более очевидным, что необходимое капитализму сохранение всемирной экспансии, контроля над мировыми рынками и приватизации мировых ресурсов все равно должно происходить. Иначе не выжить. Но теперь все это должно было происходить в иных, преимущественно финансовых, формах. С опорой, важно вновь обратить на это внимание, на доллар как мировую резервную валюту и благодаря возможностям злоупотреблять монополией на его эмиссию.

Последнее обстоятельство вместе с огромной долей США в мировой экономике после Второй мировой войны в значительной степени предопределило последующую гегемонию Соединенных Штатов в эволюции капитализма и возникновении модели капитализма виртуальных финансовых спекуляций.

«Старая добрая» континентальная Европа (в отличие, кстати, от Великобритании) противилась такому развитию событий, пыталась сохранять связь экономики с реальностью (в Европе доля промышленности в ВВП в два раз больше, чем у США), не пошла по пути тотального развязывания рук банкирам и финансистам. В последние десятилетия пыталась усиливать Европейский Союз и глубину европейской интеграции, формировать и развивать альтернативную доллару зону евро (кстати, по всем этим общеевропейским делам получала палки в колеса от США). И сейчас реакция «старой Европы» на кризис намного честнее и адекватнее — в том числе с точки зрения оценки роли и задач государства, — чем у ее заокеанского собрата.

Но, несмотря на весь свой скептицизм, европейское сообщество все же не смогло избежать большой степени соучастия в развитии спекулятизма и традиционного следования — по крайней мере в главном — курсу США.

За понятием «Запад» скрывается основанная на американских экономических ин-

Капитализм: история одной мутации

статутах и контуре безопасности глобальная коалиция поддержания мирового лидерства наиболее развитых капиталистических стран современного мира. Удел Европы в этой системе — зависимость и подчиненность, часто пусть даже и вынужденная, но послушность. Сомнения, но всегда заканчивающиеся соглашательством и консолидацией позиции с США. Как это похоже на то, что происходило в соцлагере. Вспомним Венгрию 1956 года, Чехословакию 1968 года., а, с другой стороны, Югославию 1990-х, и не увидим разницы между гегемонией СССР и гегемонией США.

После Второй мировой войны Запад под водительством США постоянно раскручивал теперь уже «холодную войну» против СССР — чтобы снять ограничения и создать новые возможности для экспансии капитализма. «Холодная война» была, по сути, стратегией антимодернизационного изматывания СССР, в первую очередь в «гонке вооружений». Эта гонка всегда, особенно в 1980-е годы «рейганомики», выступала для США хорошей возможностью подбросить дровишек в спросовую топку своей экономики. Постепенно против СССР благодаря, в частности, возможностям спекулятизма и глобальной финансовой олигархии все активнее разворачивалась и ценовая война на товарно-сырьевых рынках, прежде всего на рынке нефти.

В результате финансовый капитализм сыграл большую роль в распаде СССР. А сама модель спекулятизма была такова, что ее долгосрочная устойчивость принципиально зависела от способности произвести разрушение, а затем — поглощение, приватизацию и капитализацию ресурсов и потенциала стран социализма, «постсоветского мира». За счет исчезновения блокового биполярного противостояния можно было попытаться нарастить и возможности по перевариванию ресурсов других частей мира, включая нефтеносный Ближний Восток и промышленный глобальный рост «незападной» Юго-Восточной Азии. Только так можно было в конечном счете обеспечить связь с реальностью и оплату всех счетов той финансовой пирамиды, на которую опиралась глобальная деятельность финансового империализма, обеспечивая сверхприбыли финансовой олигархии.

Доктрина «конца истории», провозглашенная в момент распада СССР, не только открыто утверждала идеологическую победу Запада, но и подразумевала необходимость обеспечить рано или поздно «конец» любой экономики и ресурсов, не подконтрольных Западу. Такова была глобальная миссия спекулятизма. Часть этой программы успешно выполнена, прежде всего в том, что касается поглощения Восточной Европы и Прибалтики. Где-то, правда,

Капитализм: история одной мутации

дела пошли не совсем гладко, как в ситуации с Балканами и долгой войной за расчленение Югославии или же в случае с двухсерийной «иракской аферой» имени старшего и младшего Бушей.

Тем не менее Запад достиг определенных успехов, причем значительную долю получили не только США, но и Европа. Хотя ей еще долго придется иметь головную боль и разбираться с тем, что интеграция восточных европейцев в ЕС прошла, во многом по сценарию превращения этих неопитов в «пятую колонну» США внутри европейского сообщества. Но недаром же спекулятизм и финансовая глобализация — американские по первоначальному происхождению и по многим своим целям и задачам. В свою очередь сами восточные европейцы сегодня лучше и жестче всех чувствуют влияние кризиса и последствия того, каким образом их «отинтегрировали» в Запад. Не случайно некоторые из «новых европейцев» сегодня просто оказались на пороге тотальной экономической несостоятельности и социально-политической дестабилизации, ставящей их на грань превращения в «неудавшиеся государства».

Аналогичная судьба уже просто сияет всеми цветами радуги над некоторыми другими странами. Например, над Украиной, которая, если не найдет в себе силы наконец-то опом-

нитья, рискует пожать все оранжевые плоды того, что в определенный момент поддалась на уговоры своих горе-лидеров растворить собственное развитие в безусловном присоединении к Западу. Сделать это — невзирая на историю и цену, а национальную гордость — причудливым образом испытывать от того, что теперь им дают иногда посидеть в прихожей западного мира на приставном стульчике.

Главное, впрочем, все же не в этом, а в том, что Запад и его модель спекулятизма так и не достигли главных целей. Все бы удалось, если бы получилось поглотить, утилизировать или поставить под плотный контроль ресурсы России и Китая. Для сохранения своего глобального лидерства Запад был жизненно заинтересован в «подключении» к себе, втягивании в себя этих двух стран. Значительная часть кажущейся сегодня избыточной массы фиктивного капитала, фиктивных финансов, сформированных финансовым капитализмом за последние десятилетия, была «выпущена» именно под поглощение России и Китая. И в этом смысле спекулятизм мог бы выжить, только если бы достиг этой двуединой цели.

В отношении России больше подходила стратегия поглощения и принудительной интеграции в Запад. И в 1990-е годы Запад имел определенные основания рассчитывать на это из-за слабости Российского государства, а так-

Капитализм: история одной мутации

же из-за активного формирования в России когорты олигархов и монетаристов, которые только и хотели, что сдать себя с выгодой для себя глобальному финансовому капитализму.

Для Китая более подходила уже не стратегия поглощения (что вряд ли возможно по многим причинам), но «удушения в объятиях». На что, можно предположить, опять же были не самые маленькие шансы, если бы Западу удалось сперва поставить под контроль Россию, а потом с помощью ее ресурсов и потенциала иметь возможность навязывать и диктовать Китаю очень многое.

Однако эти планы «главного командования» не реализовались, оказались несостоятельными. И произошло это в первую очередь из-за того, что в последние годы Россия пришла в себя, преодолела период революционных потрясений и национальной слабости, вновь обрела силу после взятого ею болезненного геополитического тайм-аута и тяжелых травм распада Советского Союза.

Дефолт спекулятизма после этого стал практически неизбежным и был лишь вопросом времени. Система продержалась еще немного, пока не начала стремительно обваливаться в прошлом году. Вместе с этим дефолтом наступил и логический финал политической однополярности мира. Поскольку случившийся в последние полтора десятилетия вы-

ход США «из себя», претензии Соединенных Штатов на мировое единоначалие и попытки экспансии буквально по всем направлениям имели совершенно очевидные причины, связанные с попытками избежать банкротства своей экономической системы и спасти финансовую олигархию через лидерство «обдирания» мира.

Тем самым закончился большой и серьезнейший «постсоветский» период в развитии мировой системы. Поскольку и мировая система спекулятивного капитализма, и тот «момент однопolarity», которые возникли в мире за последние два десятилетия, были связаны именно с борьбой Запада за дивиденды «холодной войны», за приватизацию постсоветского наследия.

Однако рано говорить о том, что транскапитализм полностью признал свое поражение. Стратегические империалистические цели транскапитализма продолжают оставаться в центре внимания США, а значит, нельзя исключать и попыток реанимировать вместе с ними еще более изощренные схемы и технологии финансовых спекуляций и контроля над глобальными рынками. Вычурно-демонстративное мессианство, которое пронизывало завершившиеся выборы нового президента США и приход к власти новой администрации, скорее должно настораживать мир, чем вселять в него надежду.

Капитализм: история одной мутации

Американцы искренне считают его президентом всего мира. Проблемой является и очевидное намерение нового хозяина Белого дома Барака Обамы быть не просто президентом, а именно великим президентом США. Подобные намерения почти всегда чреваты завышенными амбициями и склонностью к тому, чтобы наломать дров.

План спасения: миссия невыполнима?

Сегодня едва ли не самым обсуждаемым стал вопрос о том, является ли эффективной нынешняя политика администрации США по расчистке завалов транскapитализма. Хотя, вполне возможно, мы имеем дело и с конструированием из этих обломков новой пирамиды. В любом случае мнение о том, что перспективы выхода из кризиса решающим образом зависят от того, когда начнется восстановление в США (и еще, может быть, как будет чувствовать себя Китай), очень распространено.

Да, эти вопросы значимы, и от них действительно многое зависит. Тем не менее точного сценария развития событий, как и того, когда же именно мировая экономика стукнется о дно и где конкретно остановится распространение масштабов кризиса, не знает никто.

Пока Америка продолжает заливать кризис необеспеченными эмиссионными деньгами, превращая, по меткому выражению, «пожар в потоп». Но идея победить кризис раздуванием «последней надежды» — пузыря американских государственных обязательств — крайне сомнительна. Ни американские банки, которые можно, конечно, заставить какое-то время поддерживать эту новоявленную «пирамиду штатовских ГКО», ни другие государства (прежде всего Китай), изрядно зависящие от американского рынка и ставшие во многом заложниками вкладывания своих резервов в обязательства США, не смогут делать это бесконечно.

Эта политика может привести к полномасштабному краху доллара, а значит, и мировой финансовой системы. Тогда нынешние проблемы могут оказаться цветочками, а мир встанет на пороге уже не просто экономического коллапса, но полномасштабной войны. К сожалению, война была и остается в истории человечества не только «последним доводом королей», но и чудовищно (во всех смыслах этого слова) эффективным способом обнуления проблем и обязательств.

Если все же исходить из того, что такой в буквальном смысле финальный сценарий для человечества не будет реализован из присущего нам инстинкта самосохранения, то следует

Капитализм: история одной мутации

понять, какие черты нынешней ситуации будут решающим образом определять возможные и наиболее вероятные сценарии выхода из кризиса.

Прежде всего, сегодня мы имеем дело с несомненным усилением роли государств в экономике. Эта тенденция не носит только и исключительно ситуативный, антикризисный характер, но будет иметь гораздо более долгосрочное влияние. Это означает, что в конечном счете любые возможные сценарии выхода из кризиса не станут сугубо экономическими и уж тем более финансовыми. Они будут опираться на геополитические стратегии государств, выстраивание ими новой системы политико-экономических альянсов.

Не случайно, например, что сегодня небезызвестный Збигнев Бжезинский заговорил о том, что вместо «большой восьмерки» (G8), которую нужно размыть и роль которой следует нивелировать, Китаю и США необходимо создать «большую двойку» (G2). И потом совместно, «на пару» решать все основные мировые проблемы, включая, кстати, и вопросы сдерживания России.

Идея «большой двойки» хорошо иллюстрирует то, в каком направлении капитализм, возможно, будет искать магистральный путь выхода из кризиса. То, что призыв к G2 исходит из США, лишний раз подчеркивает понимание

американской элитой истощенности стратегии транскапитализма в ее прежнем виде — однополярной глобализации, опирающейся на контроль над «мировой бухгалтерией» и направленной на сбор со всего мира «эмиссионной дани» доллару как мировой резервной валюте.

Кризис заставляет понять, что экономическое доминирование все же должно опираться на реальную производственную экономику. Конечно, США вряд ли смогут быстро восстановить собственную индустриальную и производственную систему, перенести обратно на свою территорию многие производства. В ограниченных масштабах и это возможно, но в целом постиндустриальное общество уже не переделаешь. Выдавленную из тюбика пасту обратно не затолкаешь. Вот и начинается поиск опоры на реальную экономическую базу через систему новых глобальных союзов.

Однако предлагаемая на замену прежней модели транскапитализма идея «большой двойки» выглядит всего лишь корректировкой. Фактически Китаю предлагается в обмен на определенные политические и экономические обязательства со стороны США (но вряд ли до конца равноправные даже в этом партнерстве) пойти на альянс по схеме: «мировая бухгалтерия» финансов в США, а «мировая фабрика» реальной экономики в Поднебесной, плюс в

Капитализм: история одной мутации

расширяющейся зоне китайского доминирования в Юго-Восточной Азии и отчасти в Африке.

Вряд ли, однако, такой сценарий понравится не только Европе, Японии, России, но и самому Китаю. Сегодня КНР, как никогда ранее, осознала свою зависимость от экспортной модели развития. Доля внешней торговли в ВВП Китая превышает 66%, что делает экономику крайне уязвимой, и прежде всего от состояния рынков США и Европы.

Для Китая, естественно, существуют определенные резоны выстраивать «специальные» отношения с США (американский рынок остается важнейшим, стороны могут иметь много точек взаимопонимания в обеспечении относительно низких цен на ресурсы, прежде всего на нефть). Однако это не значит, что Китай хотел бы консервировать структурную зависимость от США.

Для Китая выход из кризиса и переход на качественно новый уровень развития зависят теперь уже от поиска устойчивости во внутреннем развитии, расширении внутреннего рынка и потребления. Но одновременно и от обеспечения возможностей получить стратегический доступ к природным ресурсам, формировать новые внешние рынки для торговли и продолжать усиливать свой потенциал глобального финансового влияния, а не мариновать

собственные резервы, фактически кредитуя Америку.

Кроме того, изоляционизм и полная сосредоточенность только на самом себе грозили бы Китаю нарастанием социальных диспропорций и политических рисков по мере становления «китайского потребительского общества».

По этим причинам для Китая не является вопросом целесообразность продолжения глобализации мировой экономики. Она для него необходима. Собственно говоря, продолжение или прерывание процесса глобализации как раз и является второй важнейшей тенденцией, наряду с усилением роли государств в экономике, которая будет определять главные развилки путей выхода мира из кризиса.

Нынешняя острая фаза кризиса проходит на фоне широчайшего распространения не только лозунгов, но и конкретных мер протекционизма. Фрагментация глобальной экономики и контуров ее управления может даже серьезно усилиться, особенно если выяснится, что кризис еще не достиг своих истинных глубин. Нынешняя система международной торговли и ее институты (в первую очередь ВТО), конечно, не переживут кризис в существующем виде.

Однако текущие трудности на пути общего развития мировой экономики вовсе не говорят о неизбежности скатывания к новому

Капитализм: история одной мутации

тотальному изоляционизму. В целом условная коалиция «за продолжение глобализации» на будущее выглядит куда более мощной. Другое дело, что сторонники глобализации отнюдь не едины в том, какая именно «улучшенная и дополненная» ее версия должна работать.

Для США, как мы видим, главная задача — сохранить себя в качестве единого центра дальнейшего движения вперед, и для этого Штаты даже готовы поделиться миноритарными пакетами в будущей системе, но не пожертвовать главной идеей — оставаться единственной «глобальной бухгалтерией».

Для других глобальных держав, в зависимости от ситуации, может оказаться предпочтительным выбор одной из версий. Или это будет ставка большинства на регионализированный мир, где Китай, Европа и Россия как первые парни в своих довольно крупных деревнях будут сидеть за одним столом переговоров с лидерами других региональных блоков, включая и США. Другой вариант — единая модель многополярной глобализации и дальнейшего развития всей мировой экономики под коллективным руководством. Без жесткой структуры геополитических и геоэкономических материков (с постоянно искрящимися и грозящими конфликтами границами между ними), но и без той самой монополярной бухгалтерии. Для всех, кроме США, риски сохранения прежней моно-

центричной финансовой системы и производной от нее структуры глобальной экономики неприемлемы.

Это выводит на первый план третий — после роли государства и вариантов продолжения глобализации — ключевой вопрос сегодняшней глобальной повестки дня. Вопрос об архитектуре глобальных финансов и формировании новой многополярной системы мировых резервных валют. Декларативно все вроде бы согласны с необходимостью таких изменений, однако, как обычно, дьявол кроется в деталях. Конкурирующими идеями оказываются проекты «модернизации доллара» в качестве единого мирового резерва, создания принципиально новых инструментов и «носителя» единой мировой валюты (что, впрочем, вполне может быть закамуфлированным вариантом охранения прежней системы в интересах США и глобальной финансовой олигархии) или же демократизации системы мировых резервных валют. В последнем случае — с возможной различной степенью их регионализации, развитости институтов координации и общего управления, а соответственно и со все тем же выбором между глобализацией «региональных блоков» или глобализацией «коллективного руководства».

Фактически большая часть мира согласилась бы с той или иной версией демократиза-

Капитализм: история одной мутации

ции, что, наверное, было бы светом в конце тоннеля для мировой финансовой и торговой системы, а также для переживающего кризис капитализма.

Однако главная проблема сегодняшнего дня заключается именно в том, что для этого нужно решить поистине титаническую задачу — одновременно дать и не дать упасть окончательно американскому транскапитализму и доллару США. Пройти между «сциллой» возможного хаоса масштабной войны и «Харибдой» мира изоляционизма после дефолта доллара.

Но даже это было бы реальной задачей, если бы не опасения по поводу того, что Америка и тесно связанная с ней глобальная финансовая олигархия все еще, к сожалению, способны шантажировать весь мир своим «зомби-долларом» и пытаться навязывать миру свою эгоистичную версию выхода из кризиса. Только в действительности это будет не выход, а лишь новое издание транскапитализма с последующим неминуемым крахом. И масштабы этого краха могут оказаться уже абсолютно несовместимыми с выживанием не только капитализма, но и человеческой цивилизации как таковой.

Российские особенности мирового кризиса

Не часто так бывает, чтобы на наших глазах вот так — в считанные месяцы — происходило политическое и экономическое обрушение прежней мировой системы и страны, которая хотела быть мировым гегемоном. И чтобы обломки этого колосса не погребли в ближайшие годы под собой всех, мы должны четко представлять, как важно сделать Россию еще более сильной, устойчивой, мощной. Насколько актуальны задачи модернизации страны, которые должны обеспечить выход России на качественно новый уровень развития.

Важно понимать, что причины нынешних проявлений кризиса в так называемом передовом капиталистическом мире и в России разные. На Западе они носят фундаментальный характер и связаны с крушением той порочной модели развития, на которую эти страны делали ставку многие десятилетия.

В России ситуация выглядит совершенно иначе. У нас нет кризиса государства и государственной политики. Россия в основном

Российские особенности мирового кризиса

завершила цикл восстановительного роста экономики после провала конца 1980-х и 1990-х годов и к моменту начала мирового кризиса вышла в точку перехода к стратегии модернизации. Под решение этих задач были определены долгосрочная стратегия действий, сформированы бюджетные возможности и национальные фонды развития.

В этом смысле фактор мирового кризиса ничего принципиально не меняет в системе базовых целей и задач социально-экономического развития, которые стоят перед нами. Должен произойти только ускоренный переход к их реализации. Влияние мирового кризиса сегодня более четко обозначает болевые точки и перекосы в отраслевой структуре экономики, инфраструктурной модернизации, территориальном планировании, финансовой системе, на рынке труда, в миграционной политике и ряде других аспектов.

Однако, несмотря на то что фундаментальных внутренних причин для кризиса в России не было, тем не менее его приход извне, влияние на нас этой глобальной свистопляски оказываются сегодня существенными и весьма болезненными.

Есть две принципиальные причины и соответственно два действующих фактора, от которых в период кризиса нам необходимо избавиться в первую очередь и безвозвратно. Это, во-первых,

монетаризм и принципы его экономической политики, которые идеологически всегда были связаны с финансовым капитализмом и нанесли серьезный вред развитию России.

А во-вторых, низкое социальное качество бизнеса и соответственно «бизнес-элиты» (об элитности в данном случае можно говорить только в кавычках), ее слабая ориентированность на задачи национального развития, слабая ответственность перед государством и обществом.

Банкротство монетаризма

Именно монетаризм является главной причиной того, что мы наблюдаем высокую инфляцию, рост импортозависимости, низкую скорость модернизации инфраструктуры и производственных мощностей экономики.

Вместо модернизации производственной экономики, как это успешно делает Китай, мы по самые уши вляпались в глобальный финансовый спекулятизм. Потом оплачивали свое участие в нем национальными резервами, инвестировавшимися на Западе и оторванными от жаждущей денег национальной экономики. Наши же резервы фактически возвращались к нам в упаковке глобального капитала и превращались в неподъемные долги. С такой политикой надо немедленно заканчивать, поскольку в

Российские особенности мирового кризиса

следующий раз, чтобы избежать катастрофы, может не хватить ни времени, ни денег.

Сколько бы ни пытались монетаристы-финансисты читать нам талмудические лекции, но главной причиной высокой инфляции у нас были и остаются недостаток денег в экономике, финансовый голод национального производителя, инфляция издержек, а не спроса. При огромных доходах государства субъекты экономики многие годы находились и продолжают находиться в условиях острейшего денежного дефицита.

Усиливавшаяся в течение многих лет зависимость от импорта является сегодня не просто опасно высокой, но, в условиях кризиса, катастрофической. Потому что невозможно, например, представить даже в условиях кризиса сокращение спроса на лекарства, а почти 90% лекарств у нас — это импорт, причем не всегда высокого качества. При снижении курса рубля импорт дорожает, и это значит, что наши пенсионеры оказываются в чудовищной зависимости от роста цен на необходимые им каждый день лекарства. Чуть более подвижна ситуация с продовольствием, но и здесь зависимость от импорта запредельна. Соответственно мы опять получаем инфляцию, рост потребительских цен.

В результате у наших монетаристов получается, что приток капитала приводит к инфля-

ции и отток — тоже к инфляции. Что сильный рубль — инфляционная угроза, что слабый — та же история. Что много, что мало денег — выходит одно и то же. Как ни собирай, все пулемет получается.

Вот и сейчас, уже в условиях кризиса, величина ставки рефинансирования ЦБ России была поднята до 13%, что привело к кредитному параличу реальной экономики, усилило падение спроса по производственным цепочкам и соответственно производства как такового. Сопутствующие этому доктринерские заявления монетаристов о том, что без этой ставки нам не совладать с оттоком капитала и атаками на рубль, вызывают лишь недоумение. Потому что если кому и выгодна нынешняя ситуация, если она кого и стимулирует, то только финансовых спекулянтов. Вновь настало их время. Сейчас прибылен и работает только этот бизнес.

При проводимой растянутой девальвации эффективными являются именно валютные спекуляции на курсе. Брать кредиты по нынешним ставкам выгодно только для этой цели. В таких условиях банкам не интересно кредитовать экономику, поскольку все силы и деньги брошены на игру на валютной бирже. Чтобы кредитная ставка была реально запретительной для спекулянтов, она должна составлять не менее 40%. Только при таком проценте банки хоть на минуту будут способны отвлечься от

валютных игр и обратят свои взоры на реальную экономику. Но абсолютно ясно, что не кредитной ставкой можно и нужно бороться со спекулянтами.

Нынешней кредитной ставкой ЦБ и спекуляции никак не пресекает, и производство гнобит. Потому что даже если какой-то производитель вдруг, поджавшись и заложившись на полную катушку, сможет сейчас взять кредит процентов эдак под 20, то он получит лишь временную передышку, поскольку в стране практически нет производств и технологий, которые позволили бы ему вернуть такой кредит бешеный, да еще плюс 18% НДС.

Если же монетарные власти, как они сейчас заявляют, уже завершили плавную девальвацию, то тогда зачем продолжать держать высокую ставку кредита? Если рисков валютного рынка уже нет, самое время ее резко снизить. А если держать ставку, то кто же поверит, что девальвация завершена?

Производству нужно дать дышать. Не может реальная экономика долго плыть под водой нынешнего кризиса без кредитного воздуха. Призывы «подождите, рано или поздно снизим» не прибавляют оптимизма. Время решает все, а оно на исходе. Если и дальше тянуть, то весь реальный сектор просто всплывет брюхом кверху. Зачем ему, мертвому, будет потом эта низкая ставка?

Сегодня у монетаристов стало очень популярно на каждом углу напоминать о своей мудрости, потому как скопили же Стабфонд, резервы на случай кризиса, которые теперь — глядь, да и пригодились.

Спору нет, формирование «подушки безопасности» — необходимая задача. Но в определенный момент накопительство и припрятывание заначки превратились в самоцель, перешли рамки разумной политики. То есть нужно, конечно, было сформировать резерв на черный день. Но в определенный момент нужно было и остановиться, направив средства, превышающие адекватный уровень Стабфонда, в экономику, на ее развитие, на расшивку инфраструктурного отставания и утоление голода на инвестиции, который она испытывает.

За последние десятилетия у нас не было реализовано ни одного государственного проекта национально масштаба по развитию экономики и ее инфраструктуры. Не появилось принципиально новых заводов и крупных промышленных производств, новых ГЭС, кораблей, самолетов. Все это происходило потому, что Минфин всегда считал вкладывание в производство закапыванием денег. Но хозяйственная инфраструктура — это тоже товар. Дороги или энергетика, не говоря уже о новых производственных мощностях, — это важней-

шие инструменты реальной экономики, увеличивающие количество национальных товаров и скорость оборота товаров, а не денег.

То, что спустя почти три года примитивного накопительства из Стабфонда все же были выделены фонды развития, было абсолютно правильно. Однако время и возможности оказались упущены.

Критерий эффективности политики «стерилизации денежной массы» и накопления Стабфонда прост и требует ответа на два вопроса.

Вопрос первый: способны ли резервы в момент кризиса решить все проблемы, можно ли залить ими все «пожарные вопросы»? Мы видим, что ответ сегодня отрицательный. Резервы, сколько бы их ни было, не бездонная бочка, а самой экономике запаса прочности не хватает. У экономики крайне ослаблен собственный иммунитет к кризису. Иммунодефицит же возник из-за того, что экономику «плохо кормили» деньгами и инвестициями в мирное время.

Вопрос второй: если реальным выходом из кризиса является модернизация экономики, а не ожидание, что нефть «отрастет» в цене и все у нас вернется на круги своя, то есть к тому, как жили раньше, то в чем смысл чрезмерных резервов? Подобная идея «переждать» была бы логична, если бы докризисная модель эконо-

номики нас полностью устраивала и ничего, кроме возвращения к ней, нам и не нужно. Тогда идея припрятывания всего в кубышку могла быть оправданной. Но наш случай не тот. Наоборот — нам нужен выход на новый качественный уровень в развитии страны. Нам необходимо отрываться от копирования монетаристской модели и наполнять отечественную экономику реально растущим и национально ориентированным производством. Однако получается, что мы до кризиса не давали деньги на «опережающую модернизацию», чтобы скопить резервы, а во время кризиса резервы не успевают работать как модернизационный ресурс, или их на это просто не хватает.

Как любой скупой, мы заплатили дважды: сначала сэкономили на инвестициях в развитие, а потом все равно вынуждены спустить сбереженные средства на текучку и затыкание дыр.

Пришло время пересмотреть прежние догматы. В частности, понять, что все последние годы в мировой экономике финансовые рынки и монетаризм создавали риски и проблемы, а не решали их. Уповать на монетаризм — значит или безосновательно надеяться, что кто-нибудь сейчас опять надует новый финансовый пузырь и все «образуется». Или, зажимая кредит и инвестиции для реальной экономики, вести ее к стагнации и одновременному росту

цен. Такой сценарий стагфляции крайне опасен для России и означает для нас ни больше ни меньше как повторение 1990-х годов.

Кадры решают всё

Проблема с монетаризмом еще и в том, что он вольно или невольно, но чуть не привел Россию к воплощению самых смелых мечтаний глобальной финансовой олигархии по приватизации ресурсов нашей страны. Причем в этом вопросе почти всегда наблюдалось трогательное единство монетаристов-доктринеров и российского бизнеса.

При громадных доходах, профиците бюджета и финансовых резервах Россия в последние годы была очень крупным заемщиком на мировых финансовых рынках. Речь не о государстве, которое как раз с долговым наследием прошлого расплачивалось и в основном расплатилось. Речь о российском, точнее, новорусском бизнесе, о корпорациях и банках, которые набрали дутых кредитов и наделали навеселе внешних долгов больше, чем на 500 миллиардов долларов.

Происходило это, во многом, потому, что расширение внутреннего кредита всячески не допускалось монетарными властями. Но есть и другая важная сторона проблемы — в 1990-е годы люди, не умеющие управлять,

получили в результате крайне выгодной для ее архитекторов приватизации почти все, чем обладала страна, — нефть, автозаводы, металлургические, химические и алюминиевые предприятия, да и много чего еще. И не смогли обеспечить их нормальную работу. А нормальный традиционный менеджмент, руководители-производственники, пусть с советским, но реальным трудовым опытом развития и финансирования промышленности, был устранен.

Наши либералы и приватизаторы могут, конечно, сколько угодно издеваться над советским прошлым (в основном, правда, прикрывая свою алчность и безграмотность). Могут насмеяться над «красными директорами» и Госпланом, но эти самые директора и этот самый Госплан хотя бы знали, как работает промышленность, что, как и когда нужно делать, в том числе в условиях кризисов. И для этих людей нужды производства и недопустимость остановки промышленности и потери рабочих мест всегда были приоритетом — и экономическим, и моральным.

Работала и система размещения производительных сил. Отличительной чертой советского Госплана было наличие фундаментальной научно-исследовательской базы и соответствующих кадров. Отдельный государственный Совет по изучению производительных сил

Российские особенности мирового кризиса

производил по непосредственному заказу экономических министерств ежегодные комплексные исследования различных проблем территориального экономического планирования. Сегодня культура такого планирования утрачена, и мы несем огромные и ненужные издержки только на том, что вынуждены таскать ресурсы, сырье, миграционные трудовые потоки по всей стране, вместо того чтобы делать все компактно и по отношению к организации производства, и по отношению к потребителю.

Вместо системы планомерного развития экономики в 1990-е годы, в том числе из-за патологического желания тогдашней власти выслужиться и изобразить прогрессивную «личину» перед Западом, нам выкатили когорту новоявленных «хозяев жизни» без реального производственного опыта, но с уникальными финансовыми аппетитами. Эти «капитаны» экономики ни разу не видели «моря», но готовы были взяться за руль любых финансовых потоков. Они были одеты в респектабельные костюмы, но рабочая спецовка им была чужда. Неумение этих людей заниматься реальной работой даже при очень больших деньгах — вот важнейшая из причин кризиса.

Слишком часто деньги, которые они занимали на Западе, шли вовсе не на развитие и модернизацию производства, а на спекулятивные операции или на покупку непрофильных

активов. На игры в яхтсменов, медиа-магнатов и футбольных специалистов. А национальное достояние, оторванное от государства в ходе приватизации, шло в залог этих игрish.

Им хотелось побольше и побыстрее заработать — на фондовом рынке, на скупке земли и недвижимости, — а не выстраивать долгосрочные стратегии развития производства, где и прибыли более умеренные, и ждать устойчивого и реального успеха нужно долго. Но ждать-то часто не хочется, хочется всего здесь и сейчас. А, как мы помним, за 300% капиталист готов на что угодно. Поэтому не производство, но идея купить, заложить, спекулировать, реструктурировать, срубить инвестиций, а потом продать и «выйти в кэш» как была, так и осталась главной философией нашего бизнеса.

Машинка приобретения счастья за счет внешних кредитов работала довольно долго, но вот западная кредитная кормушка захлопнулась. Хотя, возможно, правильнее ее назвать все же мышеловкой. Потому что подсаживание «клиента» на иглу кредита и спекуляций, пускание пыли в глаза и взятие за долги активов ослепшего от такого счастья и «списка Форбса» доморощенного олигарха всегда были главными задачами глобальной финансовой олигархии. Потому что решение этих задач позволяло продвигаться к основной цели —

взятию под контроль и внешнее управление всей страны, лишению государства его реального экономического, а затем и национального суверенитета.

Это могло продолжаться еще какое-то время, если бы не кризис, который обнажил реальные способности наших магнатов и бизнес-воротил. Все они побежали снова к государству с криками о помощи. То, что Российское государство сегодня фактически спасает от ухода на Запад за долги стратегические активы национальной экономики, конечно, правильно. Иного выхода нет и не может быть. Но нужно извлечь из случившегося очевидные уроки.

Спасая бизнес, стратегические национальные активы и производства, мы не должны спасать олигархов и горе-бизнесменов. Государству необходимо национализировать не убытки, давая обанкротившимся собственникам и управленцам деньги на покрытие долгов, но национализировать — хотя бы временно, для наведения порядка — сами бизнесы, предприятия и корпорации. Правильным был бы и прямой выкуп государством оставшихся обязательств бизнеса перед Западом с последующим вхождением государства в капитал и управление.

Приобретение государством реальных производств, энергетики, земли — конечно, временная мера, после которой последует

цикл денационализации. Цель национализации сегодня — сохранить суверенитет страны в сфере важнейших отраслей, поставить на ноги производство и обеспечить трудозанятость, налоговую базу бюджета и насыщение реального сектора экономики своей продукцией. Вложить средства в науку и модернизацию.

Национализацию справедливо проводить по кризисным, «обвальным», а не рыночным ценам. Там же, где национализация не нужна, следует оговаривать поддержку государства или безусловными ограничениями в хозяйственных правах, или сменой управленцев.

А вот после всех решений по стабилизации и начала этапа развития можно осуществить процесс новой приватизации уже по реальным рыночным ценам в пользу реальных эффективных собственников. С опорой на тот бизнес, на тех предпринимателей — а они, конечно, есть! — которые реальным делом и реальным производством доказали свою способность эффективно управлять. К счастью, в последние годы все больше стали пробивать себе дорогу в большой бизнес молодые люди, выросшие из малого и среднего бизнеса, который выпестовал их, проверил на опыте и дал путевку в крупные проекты. Очень хорошо, что таких становится все больше и больше.

Шаг назад - два шага вперед

Сегодня для преодоления кризиса более всего необходимы четкие принципы и твердое управленческое воздействие, которые позволили бы совместить оперативные антикризисные шаги с долгосрочными задачами развития. Сделать это может только государство, и оно должно принять по сути простые, пусть политически не яркие, но жизненно важные решения.

В условиях кризиса приоритетными отраслями и секторами для государственной поддержки должны быть в первую очередь те, которые связаны с долгосрочными производственными циклами, высокой реальной инвестиционной потребностью, обладающие не только высокой социальной значимостью и уровнем трудовой занятости, но и стратегическим значением с точки зрения расширенного воспроизводства человеческого капитала и квалифицированных кадров экономики.

Выкинуть сегодня людей с опытом, квалификацией и мозгами на улицу, — пусть и дадим высокие пособия по безработице, предложив перебиваться неквалифицированным трудом и ждать, когда кончится кризис, — это путь в никуда. На выходе из кризиса мы тогда получим растрату человеческого капитала. Не-

возможно быстро вновь собрать квалифицированные кадры на производстве, в управлении, в финансовой сфере. Получим утрату рабочих традиций, если закроем заводы и конвейеры, утрату технологий и передачи опыта. Получим, если не поддержим «белых воротничков» и малый бизнес, практически полное исчезновение среднего класса общества, его усыхание до «наноразмеров».

Поддержка реальной экономики в условиях кризиса необходима не только для производства как такового, но и для того, чтобы не допустить рост безработицы, сохранить существующие и создать новые рабочие места. Задача задач — дать людям работу, стабильную и с достойной оплатой. Тем самым, помимо прочего, обеспечить сохранение налоговой базы, а также сохранение платежеспособного спроса для отечественного производства. Именно благодаря расширению внутреннего спроса наша экономика получит возможность реализовать задачи импортозамещения.

С учетом этих задач необходимо дальше углублять, в том числе на региональном уровне управления, те подходы, которые уже заложены «списком Путина». Причем дополнительно нужно оказать усиленную поддержку малому и среднему бизнесу — то есть тому «гумусному слою» экономики, который способен быстро и эффективно решать вопросы создания новых

Российские особенности мирового кризиса

рабочих мест, импортозамещения, а также инновационной и сервисной поддержки крупных производств.

И нынешние, и перспективные меры государственной финансовой поддержки, несомненно, должны быть выборочными, отделяющими всякого рода пузыри и спекулянтов от здоровой части экономики. Антимонопольная политика и политика управления госзаказом — особенно в период выхода из кризиса — также должны исходить из этого, а не из абстрактных соображений блага для всех и вся.

Необходимо и разумное самоограничение государства в нормативном регулировании инвестиционной деятельности. Например, сроки оформления строительной документации выросли в четыре раза. Человек почти совершает подвиг, с бешеными усилиями и в угнетающей атмосфере начав оформлять разрешительную документацию на строительство. Оформление бумаг занимает в разы больше времени, чем процесс строительства как таковой. Образно говоря, возведение дома в реальности — это мгновение по сравнению с «вечностью» строительства «дома на бумаге», согласования всей документации и разрешений.

Аналогичная ситуация складывается и в других отраслях, в производстве товаров. Сейчас из-за кризиса у нас и так не очень много желающих вкладывать в реальное производство,

чтобы терять эти возможности, терять время и деньги. Необходимо разобрать наиболее очевидные бумажные завалы на пути бизнеса, снизить барьеры и упростить процедуры, которые никак не обеспечивают экономическое развитие, не помогают реальному производству, его качеству и безопасности, а лишь тормозят экономический рост.

В период кризиса нужно, наконец, избавиться и от неуместной стеснительности в защите национальной экономики, защите отдельных отраслей и рынков, включая рынок труда.

Решение об ограничении квот, которое сейчас принято, является только первым шагом. Отталкиваясь от него, нужно уже в текущем году серьезно усовершенствовать всю нашу миграционную политику. Цель миграционной политики не в том, чтобы подсесть на иглу заемных кадров и трудовых ресурсов и потом тихо на ней помереть как суверенное государство. Это не входит в наши национальные интересы.

У нас сегодня не только самое либеральное в мире миграционное законодательство, но и неправильно выстроенное управление трудовой миграцией. Безвизовый режим пересечения границы и уведомительный порядок появления мигранта на нашей территории делают из российского рынка труда «черную дыру». Происходит это потому, что квоты ни-

кого ни к чему не обязывают и разрешение на работу выдается не работодателю, а самому мигранту и без всякой четкой привязки этого разрешения к конкретному рабочему месту на конкретном производстве. Теневая занятость лишает добросовестный, легальный и честный бизнес конкурентных возможностей, а отечественных работников фактически может ставить в ситуацию своеобразного рэкета на рынке — искусственная безработица или согласие на менее выгодные условия труда. «Импорт кадров» разрушает и национальную систему профессиональной подготовки по соответствующим специальностям. Этот порочный круг рано или поздно может превратиться в мертвую петлю на шее нашей экономики.

Поэтому сегодня необходимо кардинально изменить сам порядок привлечения трудовых мигрантов на наш рынок труда. Разрешение на работу нужно выдавать не иностранному работнику, а работодателю под гарантии и условия, обеспечивающие нормальное пребывание мигрантов. Бизнесу, делающему заявки на привлечение мигрантов, необходимо устанавливать соответствующие платежи за использование миграционных квот.

Причем устанавливать размер этих отчислений следует на таком уровне, который побуждал бы бизнес готовить свои кадры и постепенно снижать потребность и желание

привлекать иностранные трудовые ресурсы. Кроме того, деньги, полученные бюджетом за привлечение иностранной рабочей силы, мы сможем потратить на восстановление и развитие профессионального образования, а также на межрегиональное перераспределение трудовых ресурсов.

Мы просто обязаны хотя бы на время пойти на жесткие защитные меры для отечественных производителей. Для этого у России есть больше возможностей, чем у стран, упакованных в ВТО, которая, кстати, вряд ли переживет нынешний кризис.

К счастью, несмотря на героические усилия, мы благодаря Грузии, Молдавии и, конечно, США так и не стали членами Всемирной торговой организации. Это дает нам право принять любые экстренные меры по защите своего производителя от импорта одноименных материалов, техники, продовольствия в режиме, характерном для кризисных ситуаций. Мы свободны на этом очень важном этапе и должны максимально — на период выхода из кризиса — защитить свои металлургию, машиностроение, сельхозпроизводство от внешних поставщиков.

Россия в посткризисном мире: пророчество Кондратьева

В 20-е годы прошлого века выдающийся русский экономист Николай Кондратьев сформулировал модель больших циклов развития мировой экономики, связанных с инновационным движением «вверх по лестнице» смены и совершенствования производственных сил, технологий, эффективности капитала. Сегодня эту логику восходящих циклов принято называть сменой «технологических укладов». Каждый из них создает свои «моторы» роста и качественного развития для системы, а национальная конкурентоспособность отдельных стран и их место в текущей версии «геоэкономической пирамиды» зависят от способности если не возглавить, то оседлать волну нового уклада, те технологии и идеи развития, которые лежат в его основе.

Однако как эти «моторы», так и само лидерство и конкурентоспособность не вечны. Большой Кондратьевский цикл продолжительностью около 40 — 50 лет (с тенденцией к сжиманию, укорочению каждого нового цикла из-за большей интенсивности и ускорения экономических трансформаций) состоит из двух стадий — повышательной (продолжительностью 20 — 30 лет) и понижательной (длительностью около 20 лет).

На стадии роста новый технологический уклад разгоняется, эффективно аккумулирует, концентрирует и использует капитал для перехода на новый уровень развития производительных сил и технологий. Фаза же спада внешне даже может характеризоваться расцветом отраслей и технологий экономики текущего уклада, их частичным усовершенствованием, расширением и диффузией применения во всех экономических и социальных сферах, копированием и внедрением не только в странах-лидерах, но и на периферии глобальной экономики.

Однако глубинная суть этого периода, когда очередной уклад начинает выдыхаться, состоит в потере эффективности использования капитала и получения прибыли от еще недавно прорывных технологических идей. Происходит неуклонное снижение КПД тех самых «моторов роста», они устаревают, становятся «общим местом» экономики. Капитал начинает искать новую «золотую жилу» и «идеи будущего» для экономики.

Это, конечно, может оказаться и спекулятивная модель надувания финансовых пузырей, как, собственно, и произошло на границе нового века, когда в рамках уже выдыхающейся волны роста пятого Кондратьевского цикла, выстроенной вокруг индустрии микроэлектроники, компьютерных технологий, идеологии информационного общества, была достроена система транскапитализма.

Российские особенности мирового кризиса

Возможно, финансовую олигархию и вдохновляла подспудная мысль обмануть законы цикличности, разорвать цепочку объективных циклов с помощью нехитрой манипуляции — объявления экономики виртуальных денег своеобразной вершиной информационного общества и экономики, выстроенной вокруг информационных технологий. Однако, как мы видим сегодня, придумать и организовать подобный «конец истории» для циклов развития мировой экономики не получилось.

Понижительная фаза пятого Кондратьевского цикла перешла с нынешним явным кризисом транскапитализма в свою финальную стадию, которая завершится в середине следующего десятилетия, и произойдет переход к новому, шестому технологическому укладу, который, скорее всего, будет вырастать из новой архитектуры мировых финансов и торговли (до свидания, «всемирный доллар» и ВТО!) и новой конфигурации технологических моторов (био-и нанотехнологии, квантовые компьютерные технологии, новая энергетика). Эти новые моторы приведут не просто к формированию огромной и важнейшей индустрии скачкообразного повышения продолжительности жизни человека, но обеспечат, таким образом, невиданную до сих пор, если так можно выразиться, «сверхкапитализацию» человеческого потенциала. И это изменит не только экономику и социальную

сферу (в частности, решит большую проблему современных западных обществ, связанную с пенсионной гипернагрузкой), но преобразит всю логику развития цивилизации.

Сегодня нам следует, наконец, прислушаться к великому экономисту-соотечественнику и извлечь необходимые уроки для долгосрочного развития России.

Если в 30-е годы минувшего века Советский Союз смог на сломе третьего Кондратьевского цикла и перехода к четвертому осуществить необходимую индустриальную модернизацию, то переход 1970-х годов был страной позорно пропущен (хотя и не без «помощи» Запада, который сознательно стремился ограничить для СССР возможности доступа к новым компьютерным и иным технологиям). Фактор внешнего давления и санкций весьма существен, но тем не менее главный выбор был сделан, к сожалению, самой советской системой. Выбор между модернизационной работой и нефтяной иглой экспортно-сырьевой экономики был сделан в пользу последней.

Фундаментальный вопрос сегодняшнего дня заключается в том, что, чтобы «не выпасть из будущего» и не прекратить свое существование в качестве значимого субъекта мировой политики и экономики, страна не может себе позволить пропустить два технологических перехода подряд. Иначе говоря, для России

Российские особенности мирового кризиса

ближайшие 10—15 лет являются моментом истины и жестким экзаменом не только на глобальную конкурентоспособность, но и на «наличие будущего» как такового.

Сегодня необходимо думать не только о выходе из кризиса, надо закладывать стратегию долговременного развития национальной экономики. Николай Кондратьев утверждал, что наилучшей стратегией в подобных ситуациях является массовое внедрение новой техники и технологий, смена технологической основы экономики. Как не вспомнить при этом прекрасный опыт Южной Кореи, которая из образца отсталости быстро превратилась в страну передовой технологии!

Мы не должны сегодня рассчитывать на то, что мировой кризис скоро кончится и мы можем как-то его пересидеть и, вновь опираясь на монетаристские манипуляции, дождаться отрастания цен на нефть или восстановления глобальной финансовой системы, биржевых котировок и дешевого западного кредита. Это было бы больше, чем ошибка.

Внутренние источники и резервы, а не внешние займы и ресурсы мировых рынков должны рассматриваться как основной мотор развития экономики на годы вперед. Соответствующая экономическая политика должна проводиться не только как антикризисная и временная, но как стабильная и долгосрочная.

Нынешний кризис означает для нас конец экономики, экспортно-ориентированной на энергетические ресурсы и импорто-зависимой от всего остального. Нам следует, независимо от того, что там в действительности будет с нефтью через год или через два, строить отныне и всегда нашу политику, исходя из крайне низкой оценки нефтяной ренты и не уповая на нее. Давайте научимся жить при условных «30 долларах за баррель навсегда» и поймем, что к 2030 — 2040 годам от нынешней роли нефти в мировой экономике, скорее всего, не останется и следа.

Планирование национального развития нельзя строить, опираясь только на финансовые показатели виртуальных капитализаций компаний, независимо оттого, что они производят, делают ли это хорошо и производят ли вообще что-то реальное. Процесс диверсификации нашей экономики должен идти более быстрыми темпами. Нам нужно создание принципиально новых производств, расширение современного производственного потенциала страны.

В последние годы во многих секторах мы объективно перешагнули рубеж, когда система производительных сил и инфраструктура еще советского периода окончательно устарели и уже не могут, подобно ступени ракеты, вывести нас на качественно новый уровень. А модернизация, выход экономики на новый уровень не-

Российские особенности мирового кризиса

обходимы, поскольку нынешний глобальный кризис неизбежно простимулирует переход мировой экономики, ведущих экономик мира на новый технологический уровень.

Важнейшей компонентой успеха инновационной стратегии развития являются высококвалифицированные кадры ученых, инженеров и рабочих. Только наличие ученых, инженеров и рабочих высокой квалификации, способных внедрять современные технологии, позволяет предприятиям осваивать инновационные продукты и товары длительного пользования на основе оригинальных отечественных технологий.

Процесс создания новой производственной базы страны и развертывания новых производительных сил требует решающей координационной роли со стороны государства. Ведь сегодня, при принятии решений о создании новых производств, бизнес, как всегда, ориентируется на краткосрочную, максимум среднесрочную перспективу возврата инвестиций. Между тем только государство может адекватно оценивать комплексные долгосрочные задачи развития экономики, взаимосвязи отраслей, регионов для решения этих задач.

Никогда и нигде модернизация не происходила без решающего участия государства. Никогда и нигде модернизация не происходила как легкая прогулка в постиндустриальный

мир. Любая модернизация, даже если она ставит перед собой в перспективе задачи выхода на передовые рубежи высоких технологий и постиндустриальной экономики, тем не менее всегда опирается и отталкивается от индустриального развития, развития промышленности, реального сектора экономики. Признаком любой модернизации является опережающий рост промышленности и строительства по отношению к росту ВВП. Если же космическими темпами растут только финансовый сектор, торговля и сфера услуг, да еще и полностью зависимые от импорта, то это не модернизация, а ничем не обоснованное и не заработанное создание банального «общества потребления» и проедание собственного будущего.

Постиндустриальная эпоха не означает экономику без индустрии, а, напротив, опирается на нее как на первую, «разгонную» ступень любой новой технологической революции и нового экономического уклада. Поэтому для России главный вопрос сегодня — это настоящая сверхиндустриальная модернизация, то есть создание новой индустрии и собственного массового (в том числе импортозамещающего) товарного предложения для внутреннего и внешнего рынков товаров, технологий и услуг.

Крайне важно, чтобы инновации прежде всего поступали в традиционные отрасли экономики, увеличивая там добавленную стоимость,

резко уменьшая издержки и обеспечивая значительный рост производительности труда и капитала. Инновации дают значительный прирост экономики именно тогда, когда и если они проникают во многие ее сферы и формируют общий высокий уровень технологической развитости, а не отдельные «эвересты» развития при полной отсталости среднего уровня производственной системы и ее фактической недееспособности.

Только на этой базе, одновременно формируя задел для масштабной инновационной деятельности, создания принципиально новых продуктов, процессов и технологий, опираясь на расширенное воспроизводство нашего научного и образовательного потенциала, мы сможем уверенно войти в шестой технологический переход и максимально использовать наши конкурентные преимущества в тех «областях прорыва», которые у нас есть.

Еще недавно популярны были наукообразные построения об отмирании роли государства в мире глобализации, выкидывании на свалку истории государственного суверенитета и тому подобное. Для глобализации финансовых спекуляций государство и регулирование действительно были помехой.

Нынешний кризис окончательно снимает вопросы по этому поводу. В современном мире роль государства и национального суверенитета возрастает. Кризис возвращает ценность государству как ключевому субъекту экономики, делает главным в развитии капитализма вопрос о соотношении регулирования и свободного рынка, государства и рыночных агентов.

Необходимым для России сегодня в качестве вынужденной и временной меры является модернизационный государственный капитализм. То есть такой капитализм, который обеспечивает стратегическое планирование национального развития. И одновременно построенный на принципах накопления социальной справедливости в рамках рыночной экономики и приумножения социального, человеческого капитала.

Только опираясь на эти принципы, только опираясь на государство, Россия сможет выйти из передряг мирового финансового кризиса с

собственным потенциалом дальнейшего роста, быстрее и эффективнее, чем остальной мир.

Будущее не наступает само по себе, оно всегда кем-то создается. Наше будущее создадим или мы сами, или за нас нашей стране его придумают и навяжут другие. Поэтому Россия должна четко осознать свои задачи в современном мире. И стать той силой, которая сможет воплотить в реальность необходимые изменения и в самой себе, и в будущем всего человечества.

Лужков Юрий Михайлович

ТРАНСКАПИТАЛИЗМ И РОССИЯ

Издательские и полиграфические работы выполнены
ОАО «Московские учебники и Картолитография»
Генеральный директор *С.М. Линович*

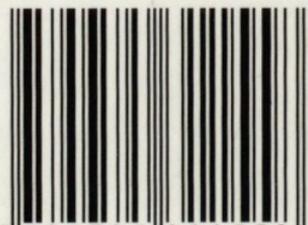
Ответственный за выпуск *О. Л. Слуцкий*

Редактор *Е.М. Кострова*
Художник *В.И. Кучмин*
Компьютерная верстка *ЕЛ. Коган*
Корректор *В.Л. Соловьева*

Подписано в печать 05.03.2009. Формат 70 x 90/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Печ. л. 2,25.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 11535.

ОАО «Московские учебники и Картолитография»
125252, Москва, ул. Зорге, 15

ISBN 978-5-7853-1155-8

9 785785 311558